

ВЕСЬ мир — театр.
В нем женщины,
мужчины —
все актеры.
У них свои есть выходы,
уходы.

И каждый не одну играет роль.

Этими словами открывается композиция «Век человеческий» — спектакля, в котором, перефразируя Шекспира, один артист играет не одну роль.

Джон Гилгуд подходит к столу, на котором стоит раскрытый том Шекспира, задумчиво перелистывает страницы. Потом оборачивается к залу, и... перед нами Ромео... Актер медленно уходит в кулисы, и возвращается король Лир с мертвой Корделией на руках. Один образ сменяется другим. Макбет, готовый свершить убийство. Ричард, дрожащими руками слагающий с себя корону. Мудрый Просперо, циничный Бенедикт, жизнерадостный Меркуцио... И в этот хор естественного вливается голос самого поэта — мы слышим волшебную музыку сонетов Шекспира.

Немало критиков анализировали искусство Гилгуда на протяжении сорока с лишним лет его жизни на сцене. Одни разбирали его виртуозную технику, другие — голос, «способный в одной фразе выразить целую гамму чувств». Третьи писали о поистине «шекспировском воображении» актера. По-настоящему осознать все эти стороны игры артиста можно только после спектакля. В театре же прежде всего поражает простота и человечность образов, созданных Гилгудом.

— Короли, военачальники и прочие сильные мира из трагедий Шекспира, — говорит Гилгуд, — это люди, которым присущи те же чувства, что и простым смертным. Актер должен уметь передавать величие и простоту шекспировских характеров. Современному театру чужда внешняя эффектность в трактовке Шекспира. Романтический театр с его приверженностью к роскошным декорациям и костюмам, напоминавший скорее балет, чем драму, отошел в прошлое. Признаться, я до сих пор не равнодушен к этому театру, с ним связана моя юность, в этом театре играли мои предки...

Гилгуд родился в артистической семье. Род Терри, отпрыском которого он является, называют в Англии королевским: недаром вот уже более века царствует он на английской сцене. От предков Гилгуд унаследовал не только талант, но и редкостное умение читать Шекспира, доносить музыку шекспировского стиха.

Творческая индивидуальность Гилгуда складывалась в эпоху формирования реалистической традиции в театре, в котором большую роль играла русская драматургия.

— Я много играл в пьесах русских драматургов, особенно Чехова. В спектаклях, поставленных Федором Комиссаржевским, братом великой русской актрисы Веры Комиссаржевской, я играл Тузенбаха, Трофимова, Вершинина, Гаева. Чехов научил меня играть с опущенной четвертой стеной, как он говорил, то есть не показывать себя в роли, а жить на сцене.

— В это время вам уже были известны работы Станиславского?

— Мое знакомство со Станиславским началось благодаря моему кузену Гордону Крэггу. Вы, конечно, знаете, что он делал декорации к постановке Станиславским «Гамлета». Я проглатывал буквально все, что он писал о МХАТе. Позднее я прочел и книги самого Станиславского. Особенно мне понравилась «Моя жизнь в искусстве», я написал к ней предисловие.

В тот период Гилгуд впервые познакомился и с советским кино. Он рассказал, как стал членом Общества любителей кино, где демонстрировались фильмы «Броненосец Потемкин», «Мать», «Иван Грозный», «Земля».

— Эти фильмы были для меня открытием. В них я увидел то, к чему сам стремился в театре. Русские актеры, как и английские, мне кажутся, обладают особым даром создавать характеры одновременно великие и простые. Именно в этом я и вижу подлинную театральность, настоящий реализм. И мне радостно, что многие советские фильмы, которые я видел в последнее время, сделаны в тех же традициях.

— Какие проблемы стоят перед сегодняшним поколением английских актеров?

— Широкое развитие радио, кино и телевидения имеет свои преимущества и недостатки. С одной стороны, актер получает возможность выступать перед огромной аудиторией, а с другой — он нередко вынужден разминывать свой талант, оказываясь в плену коммерческого искусства. Нашего зрителя постоянно пичкают рекламой, пропагандой. Не он выбирает, а ему вдалбливают, что следует и чего не следует смотреть. Помимо большого количества ничтожных и безвкусных сценариев и пьес, в последнее время получили распространение обработки популярных романов, так называемые «дайджесты», даже классические произве-

дения подвергаются в них экзекуции.

Но в нашем театре есть и новая, здоровая струя, связанная с именами Джона Осборна и других молодых английских реалистов. Я с большим удовольствием сыграл бы в одной из пьес этих драматургов, и не только сыграл бы, но и поставил.

— Как вам удается совмещать актерскую работу с режиссерской?

— Мне это доставляет большое удовольствие. Я беру за роль часто спустя несколько месяцев после того, как спектакль уже идет на сцене, и вижу свою постановку как бы со стороны, из зрительного зала. И когда мой замысел полностью осуществлен, я вхожу в спектакль как актер.

— В ваших постановках играли лучшие английские актеры?

— Да, я горжусь, что в спектаклях, поставленных мной, играли такие актеры, как Эдит Эванс, Перги Ашкрофт, Ральф Ричардсон, Алек Гинесс, Энтони Куэйл, Ричард Бертон, Пол Скофилд и миссис Патрик Кэмбелл, которую советские зрители, как мне известно, полюбили в пьесе Джерома Килти «Милый лжец».

Мы много работали вместе с Лоуренсом Оливье.

По словам Гилгуда, в своей композиции «Век человеческий» он выступает одновременно и как актер, и как режиссер.

— Когда я читаю монологи Гам-

лета, Оберона, Ромео, я не пытаюсь играть их так, как я играл 30 лет назад — я как бы показываю молодому актеру свое понимание роли. В то же время Лира, Кассио, Отелло я играю в полную силу.

В этой композиции я хотел сконцентрировать внимание зрителя на стихе Шекспира. Маршак в беседе со мной высказал очень правильную мысль: самое трудное, сказал он, передать динамику шекспировского стиха. Это удается немногим. Не знаю, насколько это удалось мне, но я стремился к тому, чтобы мысль Шекспира, музыка его стиха стали почти физически ощутимыми.

— Вы выступаете на сцене МХАТа, а мхатовцы сейчас гастролируют в Лондоне...

— Очень жаль, что на этот раз я не смогу увидеть спектакли Художественного театра. Я видел их в Лондоне в 1959 году — все четыре спектакля. Особенно запомнился мне актер Грибов. Здесь, в Художественном театре, я чувствую себя как дома — я встретился с необычайно чуткой и восприимчивой публикой. Поэтому мне легко было играть, и я чувствую большое удовлетворение. Если я сумел чего-то достичь в театре, если сумел добиться контакта со зрителем, — это самое главное, ради этого стоит жить и этим гордиться.

А. МАРТЫНОВА,
Аз. МЕССЕРЕР.